

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ОГАРЕВСКОЕ ВРЕМЯ КАК СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ И ЧЕЛОВЕКА

©2018 Н.И. Воронина, Н.Л. Новикова

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедр культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Института национальной культуры. E-mail: kafktgu@mail.ru

Новикова Надежда Львовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Историко-социологического института. E-mail: nadlnov@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Статья поступила в редакцию 28.12.2017

Предмет статьи: огаревское время как состояние истории и человека. *Объект статьи:* XIX в.: история жизни и творчества Николая Платоновича Огарева – российского поэта, философа, публициста, композитора. *Цель проекта:* актуализировать для научного и учебного мира информацию о староакшинском периоде жизни и творчества Н.П. Огарева; сквозь призму изучения судьбы русского дворянина увидеть интеллектуальную историю России; сформулировать основания для научно-исследовательской работы. *Методология работы:* построение концепции контекста уникального пространства в Старом Акшине (сегодня Республика Мордовия), где Огарев, став хозяином имения, в течение 10 лет (1846–1856) сделал свою усадьбу центром многообразных культурных явлений, как для своих друзей, единомышленников, родственников, так и для крестьянского люда; акцентирование основных категорий в рассмотрении состояния истории и человека в конкретной ситуации: духовность, характер бытия, самосознание, мировоззрение, творчество, благотворительность и меценатство; создание «модели идеального мира» дворянина, где он реализовывал себя и как поэт, философ, экономист, и как предприниматель-хозяйственник, и как ценитель искусства, и как композитор. Творческая аура, созданная российским интеллигентом, высокообразованным дворянином в усадьбе Старое Акшино и сегодня, в XXI в. в России, когда идет процесс осмысления созидательной деятельности Огарева, – это важные смысловые вехи в изучении российской культуры. *Результаты работы:* включение «культурного гнезда» Огарева в Старом Акшине как центра высокой культуры в общую картину длительного противоречивого процесса восприятия дворянской культуры отечественной наукой. *Область применения результатов:* Опыт Огарева в Старом Акшине, ставший уникальной практикой формирования центра культуры («культурного гнезда») одним человеком, – новое, малоизученное явление, которое стимулирует исследовательский интерес, открывает возможности сравнительно-сопоставительной методологии. Осознание подобного феномена позволяет уточнять и детализировать общие закономерности в развитии научного осмысления значимости его деятельности в отечественной гуманитарной мысли в истории, философии, культурологии и филологии. *Вывод:* научная новизна исследования состоит в комплексном анализе материалов научного, идеологического, хозяйственно-производственного, литературно-художественного и музыкального творчества Н.П. Огарева в контексте староакшинской жизни поэта, ученого, мыслителя и музыканта, что позволяет усовершенствовать базу данных, отражающих жизнь и творчество Н.П. Огарева в Старом Акшине, включить данный период в научный оборот как феномен, как состояние истории и человека середины XIX в. и репрезентировать его идеи в российскую культуру. Таким образом, выводы, представленные в статье, аргументированы и логичны. *Ключевые слова:* Н.П. Огарев, Старое Акшино, история, культура, человек, интеллигент, творчество, состояние, время, пространство, духовный центр, гнездо высокой культуры, наследие, память, модель.

Поэт и мыслитель, российский интеллигент, высокообразованный дворянин *Николай Платонович Огарев* (1813–1877) в середине XIX в. в селе Старое Акшино Пензенской губернии (ныне Старо-Шайговский район Республики Мордовия) сделал свою усадьбу центром многообразных культурных явлений, как для своих друзей, единомышленников, родственников, так и для кре-

стьянского люда. И хотя усадьба Огаревых в Старом Акшине территориально располагалась далеко от Москвы, формировалась она отцом поэта в конце XVIII в. под влиянием перемен в российском обществе. Сам же Н.П. Огарев, став хозяином имения и, поселившись в нем на целых десять лет уже в середине XIX в. (1846–1856), посвятил себя духовно-нравственному и эстетиче-

скому преобразованию не только своей усадьбы, но всего села.

Это была «модель идеального мира» дворянина, где он реализовывал себя и как ученый, политик, и экономист, и как предприниматель-хозяйственник, и как ценитель искусства, и как поэт и композитор. Внутренний мир староакшинской усадьбы соответствовал дворянским «культурным гнездам», для которых были характерны и внешний живописный экстерьер, и внутреннее духовное богатство

Отметим, что проникновение западноевропейской культуры в Россию в петровское, елизаветинское и екатерининское время происходило через приобщение к чтению книг, искусству, новым формам коммуникации. В домах дворянства впервые появились личные библиотеки и коллекции. Библиотека становилась обязательным «украшением» не только дома богатого вельможи, но и помещика средней руки, так же как и занятия философией, которые входили в моду.

Все сказанное выше было присуще и усадьбе Огарева, тем не менее, мы выделяем ее из этого общего потока своими уникальными и многоуровневыми феноменами, которые зародились здесь и существовали длительное время. Подчеркиваем и «уникальность личности Огарева, богатство его души, многообразие его «культурных миров», которые он так чутко воспринимал, оценивал и осмысливал, стараясь поделиться, передать свои впечатления окружающим его людям» [1, с.29]. Его самого без сомнения можно отнести к европеизированному типу дворян, которые являлись *инноваторами*, внедряющими элементы нового образа жизни и *лидерами*, которые быстро воспринимали новшества и придерживались их, реализовывая в обыденной жизни.

«Жизнесмыслы» Огарева особенно интересны своей уместностью в сегодняшнем нашем мире – его истинность чувств, простота, увлеченность и страстность в делах. Ведь не случайно сам комплекс культуры становится в середине XIX в. местом притяжения с его художественно-архитектурным и хозяйственно-производственным содержанием: дом, сад, липовая, березовая, пихтовая и сиреневая аллеи, каскад прудов, мастерские, лаборатории, небольшие заводики, а также огромная библиотека, картинная галерея, оркестр музыкантов, собственно личность самого владельца.

Друзья и единомышленники «огаревского дома» – это целый мир, рожденный широким

русским гостеприимством и неугасимым интересом к людям. «Этих людей буквально притягивал его магнетизм, неотразимое обаяние, – однажды войдя в мир Огарева, уже не можешь расстаться с ним» [2, с. 31]. Это богатейший духовный мир, наполненный литературным, художественным, музыкальным творчеством, эмоциональными и психологическими переживаниями и культурфилософскими размышлениями.

Он сам нередко впадал в раздумье, чего в нем больше, поэта или музыканта. Напомним его сокровенные признания из писем:

«...Герцен! твое присутствие становится для меня необходимым. Твоя душа мне необходима. Кому скажу я все, что волнует в душе. Я хочу быть живописцем. Это очень приятное препровождение времени. Я хочу быть музыкантом. Это очень приятно в обществе...» [3, с. 718].

«Быть поэтом, стихотворцем ли, или музыкантом, *alles eins*, но я чувствую необходимость жить в этой мысли...» [Из письма от 7 июня, 3, с. 714].

«...Я сын поэзии, предаюсь искусствам, и люди столпились смотреть на мои произведения... Науки, стихотворство, музыка, театр, все, что только возвышает человека до жизни творческой, все должно жить вокруг нас...» [Из письма от 29 июля, 3, с. 716].

Общение и дружба были тем фундаментом, на котором строились не только работа, общение и отдых, но и создавался «сгусток культурно-исторического воздуха... Десятилетие в истории и культуре – не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо: «люди сороковых годов» – Герцен и Огарев, Белинский и Грановский – заполняли авансцену русской культуры с середины 1830-х до середины 1850-х.», – пишет Г.С. Кнабе [4, с. 1047]. Переехав в Англию, Герцен и Огарев продолжали еще в течение почти двадцати лет питать русскую мысль, литературу, искусство «жизнесмыслами» своего «Я». Уверены, этот «сгусток» сегодня не потерял актуальность. И время сегодня не просто позволяет, но и требует изменить осмысление не только истории российской культуры в целом, но и взгляд на ее творцов, на их портретные характеристики, биографии, состояние во времени.

Исследования об Огареве многочисленны: исторические, философские, экономические, политические, искусствоведческие, литературоведческие и т.д. Но нет главного – раскрытия челове-

ческой сущности Огарева, аксиологической мотивации его поступков. Ф.М. Достоевский говорил, что человек есть тайна, и ее надо разгадывать. Такой тайной до сего времени являются не только деяния Огарева, но и сама его судьба, которая, прямо скажем, была к нему немилосердна. В.С. Соловьев утверждал, что Судьба – «предмет, хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный» [5, с. 34]. В то же время философ подчеркивал, что «власть над человеком, однако, обусловлена изнутри деятельным и личным соучастием самого человека»: разум и воля – вот два «внутренних задерживающих деятеля». Это означает, что судьба как сила, определяющая наше существование, «действует в нашей жизни только через нас, только под условием того или иного отношения к ней со стороны нашего сознания и воли» [Там же]. Попробуем приоткрыть завесу и выделить три линии в судьбе Огарева.

Первая – житейская. Около двух лет от роду он потерял мать, в двадцать один год был арестован по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи», побывал в одиночной камере; в двадцать два – был сослан из Москвы в Пензу под надзор отца и местного начальства; в сорок три вынужден был эмигрировать в Англию; в сорок семь был лишен российского гражданства.

Вторая линия судьбы – интимная. В 1836 г. в Пензе Огарев женился на Марии Львовне Рославлевой, отдав ей весь жар сердца, всю любовь, но, увы, не получив ответа. В 1844 г. они расстались. Новая любовь к Наталье Алексеевне Тучковой приходит вскоре, но и она, пылкая и романтическая вначале, закончилась трагедией. Исследователи-огареведы и литературоведы заостряют внимание на лондонской драме Огарева, Герцена и Тучковой, но явно недооценивают в этой непростой житейской ситуации единственную благородную сторону – самого Огарева и его поведение. Он оставил любимую жену, с которой вместе эмигрировал из России, но сохранил дружбу и с Тучковой, и с Герценом, более того, принял на себя заботу об их детях. Третий брак, с англичанкой Мери Сетерленд, длившийся 17 лет до кончины Огарева, внес в его жизнь спокойствие, но не дал счастья отцовства, хотя детей Огарев любил более всего на свете, потому и отдавал любовь детям Герцена и Генри – сыну Мери Сетерленд

Личная трагедия Огарева усугублялась неизлечимыми болезнями, которые мучили его всю вторую половину жизни. Эти биографические подробности могут показаться излишними в оценке его личности, мелкими на фоне колос-

сального творческого наследия Огарева и его деяний. Но ведь из таких ничтожных культурных мелочей слагалась «та окружающая среда, в которой талант растет или погибает», – находим мы у Д.С. Мережковского. Огарев действительно не раз находился на краю гибели. Казалось бы, – вот предел, дальше которого идти некуда. Но в том и заключалось величие этой личности, что выход всегда находился. Поэтому было бы несправедливо делать из Огарева страдальца, винить «свет», жен, друзей. Огарев, благодаря великой дружбе (а друзья любили его, их было всегда много и в России, и в эмиграции), преодолел душевный разлад, следствие своих внутренних бурь.

И третья линия судьбы, связанная с социально-географическими житейскими перекрестками, главным из которых стала Россия, мордовская земля, село Старое Акшино. Где бы ни находился Огарев, он возвращался на заповедную землю.

Родился в Петербурге (1813), детство провел в Старом Акшине (1815–1820). Учился в Москве (1820–1835), сослан был в Пензу (1835–1839). Путешествовал по Европе (1841–1846), после чего целое десятилетие провел в Старом Акшине (1846–1856). Эмигрировал в Англию (1856), но через сто десять лет ровно (1966) его прах вновь вернулся на российскую землю, на Новодевичье кладбище в Москве. Он возвратился в Россию, но он вернулся и на мордовскую землю, своими мыслями и идеями оплодотворяя целое поколение. Только в Мордовском университете защищено по творчеству Огарева более десяти докторских диссертаций, более десяти кандидатских, выпущено около десяти монографий, несколько сборников материалов о нем, пять выпусков библиографических указателей и многое другое. В университете регулярно проводятся Огаревские чтения – ежегодные в форме отчета всех научно-педагогических подразделений и межрегиональные – в форме специальных конференций под знаком преемственности идей Огарева в гуманитарных науках. Уже сегодня есть попытка не только по-новому, но и целостно представить совокупность научных положений и принципов Огарева, дать этим принципам верную общеметодологическую интерпретацию; вводятся в научный обиход новые материалы жизни и творчества Огарева (а такие открываются в хранилищах и архивах до сих пор); рассмотреть в перспективе и преемственности оригинальные идеи мыслителя в диалоге культур.

«А главное – создается новая ориентация в раскрытии поступков конкретного человека, Николая

Платоновича Огарева, в оценке его благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы» [6, с 12].

Таким образом, Старое Акшино, родовое имение Огарева и мордовская земля стали для него «своеобразной столицей», «своим Парижем», «центром Вселенной», где он осуществлял целый ряд социальных проектов:

1. Ввел вольнонаемный труд, имея целью на базе индустриализации деревни уничтожить барщину и «организовать фермерского типа сельскохозяйственное производство с системой «зарплатного труда».

2. Построил суконную фабрику в Старом Акшине, винокуренный завод в Каменке и сахарный в Русском Баймакове, полагая, что фабрично-заводской труд крепостных мужиков не только улучшит их благосостояние, но и изменит психологию. Кстати, Огарев сам осваивал рабочие профессии и писал Герцену, что просто хочет «приняться на заводах за работу», «переходя от черновой в должность мастера».

3. Собирались строить барку для сплава продукции, для чего затребовал у друзей книгу о построении речных судов. Герцен шутливо называл Огарева акшинским «пленипатенциарием, агрономом и заводчиком», который стремился приумножить капитал, но, увы, не только не приумножил, но и порядком разорился.

4. В Старом Акшине Огарев разработал проект народной политехнической школы, элементы которой успешно внедрял в практику. А цель ее, во-первых, утверждение в народе «личного достоинства... чести, права и гражданства», а во-вторых – «развитие у крестьян научных, материалистических взглядов на явления окружающего мира – природы и общества...». Здесь же он открыл больницу для крестьян и сам лечил больных, проявляя огромный интерес к анатомии, медицине, химии, создав и химическую лабораторию, и анатомичку для «частного вскрытия животных» [6, с 13].

5. В Старом Акшине успешно продолжалось идейно-творческое развитие Огарева. Практически здесь началась его публицистическая и композиторская деятельность. Он писал статьи о деревенской жизни и жизни провинциала, экономические и статистические опыты распределения «Российской империи», публикуя их в журналах. Он сочинял музыку в духе времени, посвящая свои миниатюры Н.А. Тучковой, которая жила в соседнем имении [7, с. 80]. Продолжа-

лось литературное творчество: написаны поэмы «Господин», «Деревня», лирический цикл «Монологи», множество стихотворений. Отсюда и сюда летело бесчисленное количество писем. Эти эпистолярные циклы заменяли тогда все – и выступления в печати, и трибуну, и публицистику, и личное общение. Из них вырастала в дальнейшем картина эпохи со всеми мельчайшими подробностями, как выразился М.О. Гершензон, – «умственное движение целой России».

6. Здесь же, в Старом Акшине Огарев собирал друзей-интеллектуалов, соседей по поместью для дружеских бесед, для общения с книгой (а библиотека была богатейшая, и сегодня нами найден ее каталог) и с художественными полотнами, оставшимися от отца, и для музицирования. Все интеллектуальные и природные ценности он сохранил и передал наследнику Н.М. Сатину.

Таким образом, в середине XIX в. старинная барская усадьба Старое Акшино становится духовным центром, «гнездом» высокой культуры, к сожалению, разрушенным после революции. И пусть многие проекты не осуществились до конца, были утопичны, а реформаторская деятельность Огарева вызывала недоверие у крестьян (*«Мужик мой только увидал, / И молча мне не доверял / И долго я на убежденье / Напрасно тратил время и терпенье»*). Старое Акшино в жизни Огарева – «своеобразная Мекка», где он не только сам возвышал себя до жизни человеческой, но пытался приобщать к высокой духовности всех живших рядом и в округе, создавая многообразную духовную реальность.

В новом измерении явление Огарева культурному миру похоже на откровение, что весьма и весьма важно, т.к. в истории культуры он чаще всего представлял лишь «тенью Герцена». Не сказано до сих пор и об Огареве самое главное. Загадка его личности – это он сам. Важно сегодня деидеологизировать человека, представить во всей многогранности, восстановив облик великого «духовидца», а в целом заняться реставрацией российской культуры, вписав все деяния Огарева в ее контекст. В этом нам помогает А.И. Герцен, который еще при жизни оценил талант и величие своего друга, говоря в письме к Н.А. Захарьиной:

«Как высок и необъятно высок Огарев, этого сказать нельзя; перед этим человеком добровольно склонил бы я голову, ежели бы он не был нераздельною частию меня. Этот человек вполне, весь принадлежит идее и общей деятельности; что для него жизнь, богатство...» [8, с. 38–39].

Популярность Огарева особенно возросла в 80-90 гг. XX в. в связи со значительными переменами в мире, с утверждением нового мышления и с большей свободой передвижения внутри Европы. В Россию были переданы ценные документы, письма, личные вещи, музыкальные сочинения, дневники Н.П. Огарева, которые хранили в Англии и Франции родственники А.И. Герцена. На основе этих и других материалов в начале 1999 г. вышел новый том "Литературного наследства" в двух книгах (№ 99) "Герцен и Огарев в кругу родных и друзей", которые, к счастью, очищены от официоза и передают в своих материалах необычайную открытость Огарева.

В бывшей усадьбе поэта в 70–80 гг. XX в. были развернуты работы по восстановлению дома, всех прудов и построек, существовавших при жизни Огарева. Перемены в обществе приостановили эти работы, и теперь остается только надежда, что они возобновятся, и Старое Акшино будет привлекать к себе как культурный центр с богатыми традициями российской интеллигенции. В настоящее время лишь редкие праздники поэзии проводятся в селах Старое Акшино и Но-

вое Акшино в день памяти Огарева (второе воскресенье июня).

Именно сегодня, когда Огареву 205, мы начали по-настоящему видеть, слышать, прочитывать и оценивать его деяния, его жизнь, его творчество. Чеховские герои часто задумывались о времени, заглядывая в будущее на тысячу и даже двести тысяч лет – каким будет человек, в чем будет его счастье. Пока Огареву только (или уже) 205, но приближение к этой дате не добавило оконченности. Огарев настолько велик и настолько глубоко, что любое приближение лишь отдаляет его снова и даже, открывая новые грани, оставляет его человеком-тайной.

Итак, понятие «огаревское время» образует концептосферу русского интеллигента, выдающейся личности, замечательного поэта и философа, то есть актуализирует отраженную в нем онтологическую составляющую [9, с. 331], замещает неопределенное множество явлений одного и того же рода [10, с. 269], вбирает в себя судьбу Огарева [11, с. 40], позволяет исследовать себя в комплексе всех основных смысловых единиц огаревской жизни и творчества.

1. Воронина, Н.И. Н.П. Огарев: неисчерпаемость личности. Саранск, Тип. «Кр. Окт.», 2013. 168 с.
2. Воронина, Н.И. Н.П. Огареву–200 лет // Н.П. Огарев в России. Саранск, Тип. «Кр. Окт.», 2013. С. 31–38.
3. Из письма Н.П. Огарева к А.И. Герцену от 26 августа 1833 г. // Литературное наследство. М., Изд-во АН СССР, 1953. 943 с. Т. 61. С. 718–719.
4. Кнабе, Г. Диагноз нашего времени // Избранные труды: Теория и история культуры. М.; СПб., Летний сад, 2006. С. 883–1178.
5. Соловьев, В.С. Судьба Пушкина (1897) // Собр. Соч.: в 10. т. СПб., Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. IX (1897–1900). С. 33–63.
6. Воронина, Н.И. Старое Акшино: «Прошедшего возвышенный корабль...». Саранск, Тип. «Кр. Окт.», 2012. 28 с.
7. Воронина, Н.И. Личность и время: метафизика музыки. Саранск, Тип. «Кр. Окт.», 2010. 260 с.
8. Герцен, А.И. Полн. собр. соч.: в 30 томах. М., Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т.21. С. 38–39.
9. Новейший философский словарь. Мн., Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 331.
10. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность: антология, М., 1997, С. 269.
11. Степанов Ю.С. Концепты. Словарь русской культуры. М., Академический Проект, 2001. 990 с.

OGAREV TIME AS THE STATE OF HISTORY AND HUMAN BEINGS

© 2018 N.I. Voronina, N.L. Novikova

Natalya I. Voronina, Doctor of Philosophy, professor of departments of cultural science and library and information resources of institute of national culture. E-mail: kafkmg@mail.ru

Nadezhda L. Novikova, Doctor of Philosophy, professor of department of philosophy of Historical and sociological institute. E-mail: nadlnov@mail.ru

National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

The subject of the article: Ogarev time as the state of history and human beings. The object of the article: the XIXth century: the history of the life and the oeuvre of Nikolai Platonovich Ogarev – a Russian poet, philosopher, writer, composer. The project aims: to actualize for the scientific and academic world the information about Staroye Akshino period in the life and oeuvre of N.P. Ogarev; to see the intellectual history of Russia through the prism of destiny of the Russian nobleman; to create the basis for scientific research work. Methodology of work: the con-

struction of the concept of the context of the unique space in Staroye Akshino (now the Republic of Mordovia), where Ogarev, being the owner of the estate, made his estate a centre of diverse cultural phenomena, as for his friends, associates, relatives and peasants (during 10 years: 1846–1856). The emphasis of the major categories in the review of the state of the history and a person in a particular situation: spirituality, the nature of existence, consciousness, ideology, creativity, charity and philanthropy. The creation of the "ideal world model" of a nobleman, where he could realize himself as a poet, a philosopher, an economist and as an entrepreneur-manager, as an art connoisseur and a composer. Creative aura, built by a Russian intellectual, a highly educated gentleman in Staroye Akshino barton, today, in the XXIst century in Russia (when there is the process of Ogarev reflection and constructive activity) is an important semantic milestones in the study of Russian culture. *Results*: the inclusion of the "cultural nest" of Ogarev in Staroye Akshino as the center of high culture in the overall picture of the long controversial process of the perception of noble culture, domestic science. *The scope of the results*: the Experience of Ogarev in Staroye Akshino, which has become a unique practice of the formation of the cultural centre ("cultural nest") by one man – is a new and poorly studied phenomenon that stimulates research interest, opens the possibility of comparative methodology. The comprehension of the phenomenon allows us to refine and detail the general patterns in the development of scientific thinking in domestic humanitarian thought in History, Philosophy, Cultural studies and Philology. *Conclusion*: the scientific novelty of the research is manifested in the comprehensive analysis of the materials of scientific, ideological, economic-industrial, literary and musical creativity of N.P. Ogarev in the context of the life of the poet, scientist, philosopher and musician in Staroye Akshino. It allows not only to improve the base data associated with the life and work of N.P. Ogarev in Staroye Akshino but also to include this period in scientific circulation as a phenomenon, as the state of history and of a human of the middle of the XIXth century, allowing to represent his ideas to Russian culture. Thus, the conclusions, presented in the article, are reasoned and logical.

Key words: N.P. Ogarev, Staroye Akshino, history, culture, people, intellectual, creativity, status, time, space, spiritual center, nest of high culture, heritage, memory, model.

1. Voronina, N.I. N.P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti (N.P. Ogarev: inexhaustibility of the personality). Saransk, Tip. «Kr. Okt.», 2013. 168 s.
2. Voronina, N.I. N.P. Ogarevu–200 let (N.P. Ogarevu is 200 years old). *N.P. Ogarev v Rossii*. Saransk, Tip. «Kr. Okt.», 2013. S. 31–38.
3. Iz pis'ma N.P. Ogareva k A.I. Gertsenu ot 26 avgusta 1833 g. (From N.P. Ogarev's letter to A.I. Herzen of August 26, 1833). *Literaturnoe nasledstvo*. M., Izd-vo AN SSSR, 1953. 943 s. T. 61. S. 718–719.
4. Knabe, G. Diagnost nashego vremeni (Diagnosis of our time). *Izbrannye trudy: Teoriya i istoriya kul'tury*. M.; SPb., Letnii sad, 2006. S. 883–1178.
5. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina (1897) (Pushkin's fate (1897)). *Sobr. Soch.*: v 10. t. SPb., Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Pro-sveshchenie», 1913. T. IX (1897–1900). S. 33–63.
6. Voronina, N.I. Staroe Akshino: «Proshedshego vozvyshennyi korabl'...» (Old Akshino: "Past sublime ship ..."). Saransk: Tip. «Kr. Okt.», 2012. 28 s.
7. Voronina, N.I. Lichnost' i vremya: metafizika muzyki (Personality and time: music metaphysics). Saransk, Tip. «Kr. Okt.», 2010. 260 s.
8. Gertsen, A.I. Poln. sobr. soch.: v 30 tomakh (Complete works: in 30 volumes). M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. T.21. S. 38–39.
9. Noveishii filosofskii slovar' (The latest philosophical dictionary). Mn., Izd. V.M. Skakun, 1998. S. 331.
10. Askol'dov, S.A. Kontsept i slovo (Concept and word). *Russkaya slovesnost': antologiya*, M., 1997, S. 269.
11. Stepanov, Yu.S. Kontsepty. Slovar' russkoi kul'tury (Concepts. Dictionary of the Russian culture). M., Akademicheskii Proekt, 2001. 990 s.